

ПРИЧИНЫ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ В ПРОЦЕССЕ ПОЛЕВОГО СБОРА ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Я. В. Мызникова

Материал для данного исследования был записан летом 2012 г. в ходе студенческой диалектологической экспедиции в нескольких населенных пунктах Старомайнского района Ульяновской области (в селах и деревнях Кременки, Кременские выселки, Ивановка, Красная Река, Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка). Район этот довольно непросто в этнолингвистическом отношении: в состав коренных жителей входят чуваша, мордва и татары. Однако в настоящее время большинство жителей всех обследованных населенных пунктов идентифицирует себя как русские. Целью экспедиции был сбор лексического материала для «Лексического атласа русских народных говоров» по темам: «Растительный мир», «Животный мир», «Ландшафт», «Метеорологические явления», «Животноводство».

В процессе полевого сбора специфического языкового материала неизбежно возникают разного рода трудности, от технических до чисто лингвистических, приводящие к коммуникативным неудачам¹. При сборе материала по тематически ограниченным группам лексики и строгом соблюдении требований и вопросов программы коллекторы сталкиваются с разными затруднениями, которые можно сгруппировать следующим образом.

1. Отсутствие ожидаемых реалий или связанных с ними понятий. Так, в процессе сбора ландшафтной лексики в Старомайском районе Ульяновской области собирателям не удалось найти ни леса, хотя на карте район обозначен как лесистая местность, ни информантов, которые знали бы названия деревьев и трав: *Мы в лесах-та не были / эт кто стары люди // Галофкино затопило / мы ещё какие были / с саплями з зелёными...* <Кременские Выселки>; *Деревьяеф здесь нету / здесь только што сажали*

¹ Под коммуникативной неудачей понимается недостижение инициатором общения коммуникативной цели [Теплякова 1998: 6].

вот / топаль... <Кременские Выселки>. На вопросы об особенностях ландшафта информанты отвечали: *У нас нет ничого / ни ям / ни гор // У нас хорошо фсё / гладко // <Кременки>*.

Приведем пример диалога по теме «Ландшафтная лексика» с участием собирателя (С) и информанта (И):

С.: *У вас есть тут возвышенности какие-нибудь?*

И.: *А чо эт такое вазвышенности?*

С.: *Ну, неровности, холмики какие-нибудь?*

И.: *Нет / у нас фсё равно / фсё равно у нас //*

С.: *А вот какие-нибудь низины есть у вас тут? Впадины какие-нибудь, ямки?*

И.: *Не-ет // Ровна у нас степь / нету... <...>*

С.: *А вы не знаете, как называется, когда речка впадает куда-то?*

И.: *У нас никуда ана не фпадает // Фсё время стоит // Ана не фпадает никуда // <Кременские Выселки>*.

2. Отказ информантов признать в принципе наличие предмета разговора приводит к заключению о существовании и других проблем, не объективного, а культурно-психологического порядка:

С.: *Тётъ Марусь, расскажите, пожалуйста, у вас, наверное, огород есть?*

И.: *Нет у меня никаво ничего / адна я // Ни агарода ничего // Адна я / и палка вот мая // Больше нет у меня ничего // <Кременские Выселки>*.

Часто информанты выражают сомнения в своей языковой компетенции, считая, что все уже есть в книгах и интернете. В коллективистских культурах люди предпочитают знать (и рассказывать) больше о других, чем о себе, а в индивидуалистских культурах, наоборот, индивид больше склонен знать (и говорить) о себе, чем о других. Людям из коллективистских культур поведение участников индивидуалистских культур обычно представляется эгоистичным и

нескромным. Исследование аспекта «индивидуализм — коллективизм» в контексте различия культур было впервые предпринято голландцем Гиртом Хофстедом в начале 1980-х гг. [Hofstede 2001: 41]. Конечно, реальный культурный тип общества (общества, коллектива) является сочетанием характеристик как индивидуального, так и коллективного или с преобладанием того или другого.

Как показано в работах Н. М. Лебедевой, ценности традиционной русской культуры и ее духовной основы – православия – располагаются ближе к полюсу коллективистски-ориентированных культур. Однако в ряду ценностей русской культуры к концу XX в. наблюдаются серьезные изменения, затрагивающие ключевые основы национального характера: молодые постепенно переориентируются на ценности индивидуализма [Лебедева 1999; 2000]. Люди постарше остаются в рамках ценностей коллективистской культуры, подразумевающей скромность, приверженность традициям и устоям, сдержанность в общении с малознакомыми людьми.

Таким образом, в процессе сбора диалектного материала могут возникнуть трудности с мотивацией информантов на установление контакта, что может быть обусловлено недостаточной коммуникативной компетенцией собирателей. Нередко препятствием в установлении успешной коммуникации становится общекультурная оппозиция «свой / чужой». Участники диалектологических экспедиций сталкивались с проявлением этой оппозиции на разных уровнях: языковом (свой / чужой говор), конфессиональном (своя / чужая вера), социальном (свой / чужой социум, коллектив, свое/чужое сообщество). Явное противопоставление «мы – свои» / «они – чужие» характерно для сообществ коллективистского типа с низкой терпимостью к неопределенности (или высоким уровнем избегания неопределенности) [Hofstede 2001: 175, 231]. В таких коллективах неожиданные ситуации и незнакомые люди вызывают эмоциональное беспокойство, дискомфорт: чужое считается опасным.

С проявлением оппозиции «свой / чужой» может быть связано этическое табуирование некоторых тем разговора, отказ информантов «признать» наличие в их говоре искомой лексики, особенно, если это касается экспрессивной лексики. Так, жители

села Базарно-Мордовские Юрткули весьма неохотно поддерживали разговор на тему мужских и женских прозвищ, хотя до этого сообщили:

И.: Ззесь ни одной бабы нет / штобы прозвища ей не было // И у мужикоф //

С.: А у баб какие прозвища?

И.: Ни скажу! У нас молодёш фсе хорошые // У нас ничо такова ни делаецца / плохо // Фсе хорошые // Чужых у нас никово нет / И плохо у нас ничо не делаца...

С.: Как еще мужиков-то называют?

И.: Да пошли они к чорту! <Базарно-Мордовские Юрткули>.

Ответные реплики информанта иллюстрируют попытку сменить тему общения в связи с возможными негативными последствиями разговора для «своих». При «столкновении» с «чужими» принадлежность к «своему» коллективу становится для информанта-диалектоносителя регулятором поведения. Гармония и сохранение мира – важные ценности коллективизма, один из принципов которого — «не выносить сор из избы». Так, С. К. Куприянова, характеризуя калмыцкую лингвокультуру как принадлежащую к коллективистским культурам с высоким уровнем избегания неопределенности, демонстрирует «прописанные» в калмыцких поговорках правила речевого поведения с незнакомыми людьми: «К неизвестной лошади не подходи близко сзади, незнакомым людям не высказывай своих намерений», «Сядь на коня, которого знают, говорят слова человеку, которому доверяют» [Куприянова 2011: 131].

3. Еще одной причиной коммуникативных неудач в процессе сбора диалектного материала может стать несовпадение профессионального и профанного представлений о теме разговора, что обусловлено разным уровнем языковой компетенции собирателей и информантов и отражается в различиях в лексико-семантической интерпретации речевых отрезков. Так, спрашивая о наименованиях различных реалий, например, о названиях разновидностей домашней скотины, собиратели подразумевают обозначения определенных понятий, а именно: как в данном говоре именуют *корову* вообще как вид крупного рогатого скота, а не как зовут данное конкретное животное. Информант же погружен в конкретный ситуативный контекст, не может от него абстрагироваться и думать и говорить обо-

ценно: У каждой коровы есть имя своё <Базарно-Мордовские Юрткули>. Таким образом, вместо обозначения обобщенного десигната собиратель получает наименование конкретного денотата:

С.: А различались как-то дойная корова и недойная корова, их как-то называли по-разному?

И.: (Смех) У дойной коровы вымя // А у недойной вон там вон где-та / ничо выми нет //

С.: А дойную корову как-нибудь ласково называли, может быть, доёнка?

И.: Своём имем //

С.: А вот если она очень много молока даёт?

И.: Име име...

С.: Нет, ну, как о ней говорили?

И.: Спасибо ей!

С.: Ну вот вы с кем-то разговариваете, и как говорите о корове, которая много молока даёт?

И.: Вот одна баба так ко мне пришла / и сглазила / фторой день чуть не сдохла // И не надо так говорить...

<...>

С.: Скажите, а по цвету, по масти как-то называли коров по-разному?

И.: Букетка / Красотка / Красулька / Пестрафка / Рыжонка / Планета / Венера / Луна... <Матвеевка>.

В диалогах с информантами проявляются такие особенности диалектной коммуникации, как конкретность, ситуативность, антропоцентричность [Гольдин 2009]. Антропоцентричность и прагматическое отношение к понятиям проявляется во всех ответах информантов: им важна не каталогизация явлений, а значение явлений для жизни и деятельности человека:

С.: А вы знаете слово такое — леденец?

И.: Ну и чо эта / для чево?

С.: А если очень холодно, как вы скажете?

И.: Скажем холодно / тапить надо //

С.: Если ветерок легкий-легкий, как вы говорите?

И.: Эт приятно...

С.: Если небо всё в звёздочках, как вы говорите?

И.: Говорим / будет марозна //

С.: Если ночь ясная, как вы скажете об этом?

И.: Ясная ночь / Ничо не будет // Сънек не жидацица зимой // <Кременские Выселки>

Категоризация предметов и явлений действительности в коллективистских культурах происходит не на основе их общих признаков, свойств и законов формальной логики (как в индивидуалистских культурах), а на основе их взаимодействия и соотношений в реальной действительности [Choi, Nisbett, Smith 1997].

4. С изменением общественно-экономического уклада жизни, при сохранении речевых, денотата, понятийная система языка, десигнат меняется, в связи с чем искомая лексика уходит в прошлое, уступая место новой:

С.: А как корову, которая очень много молока даёт, называли?

И.: Рекордистка!

С.: Как говорили о корове, которая скоро телёнка родит?

И.: Она уже в декрет уходит!

5. Собиратели могут быть плохо знакомы с особенностями местной лексики, могли не успеть овладеть способами верификации полученных сведений, поэтому не всегда успешны в фонетической интерпретации ответа информанта. Так, ответ на вопрос о названии самки гуся студенты-собиратели записали следующим образом: Гус ана называцца <Красная Река>, вместо правильного Гу'сана называцца.

Таким образом, как речевая компетенция обоих коммуникантов, так и их фоновые знания и представления о мире могут не совпадать. Это приводит к тому, что смысл и референция, которыми говорящий снабжает свое высказывание, могут не соответствовать тому, что приписывает высказыванию реципиент. В этом случае можно сказать, что говорящий не учитывает фактор адресата. Адресат же, интерпретируя высказывание, соответственно, неправильно выводит значение.

Для успешного речевого взаимодействия собирателей языкового материала с информантами будущим собирателям, безусловно, необходима подготовка — как экстралингвистического, в частности, этнокультурного и социокультурного характера, так и лингвистическая, дающая представление об особенностях языковой компетенции информантов.

Литература

- Гольдин В. Е.* Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского ун-та, 2009. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 3–7.
- Куприянова С. К.* Калмыцкие поговорки о речевом поведении в свете современной лингвопрагматики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 128–132.
- Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С, 1999. 224 с.
- Лебедева Н. М.* Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. Т. 21, № 3, 2000. С. 73–87.
- Теплякова Е. К.* Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 1998. 17 с.
- Choi I., Nisbett R. E., Smith E. E.* Culture, category salience, and inductive reasoning. *Cognition*, 65, 1997. P. 15–32.
- Hofstede G.* Culture's consequences: comparing values, behaviours, institutions and organizations across nations, 2nd edition. SAGE Publications, Thousand Oaks, CA, USA, 2001. 597 p.